

Женя сердился на маму. Как ей только в голову пришла дурацкая идея подарить ему комплект женского белья? Неужели она не понимает, что ему может быть стыдно. Не станет же он заниматься онанизмом исключительно потому, что она хочет помочь. Ему всегда хотелось заняться реальным сексом, а не замыкаться в ванной с её трусиками. Как же ужасно она придумала!

Несколько дней Женя почти не разговаривал с Мариной. Бурчал себе под нос невнятные слова и уходил в комнату. Там он проводил большую часть времени, ожидая, пока мама поужинает и уйдёт к себе. Ближе к полуночи он прокрадывался на кухню. На столе стояла накрытая тарелками еда, он садился и мысленно презирал маму, потому что всякая забота с её стороны служила лишь болезненным напоминанием об нанесённом оскорблении.

Однажды, это случилось примерно через неделю после разговора на кухне, Женя обнаружил на кухонном столе листик бумаги, сложенный пополам.

«Женя, — начиналось письмо, написанное от руки маминым почерком. — Я бы хотела провести небольшой эксперимент в нашей семье. Цель эксперимента — избавить меня от чувства вины, которое я постоянно испытываю, потому что ты растёшь без отца. Хочу предложить тебе принять посильное участие: по чётным дням я буду твоей мамой, по нечётным буду играть роль лучшей подруги твоей мамы. То есть, я буду хорошо к тебе относиться, но не буду в эти дни твоей мамой. Не пугайся, пожалуйста, это расстановки по Хеллингеру. Эксперимент покажет, какая я на самом деле и какой я себя вижу со стороны. Я хочу научиться жить без вины, хочу, чтобы ты был счастлив. Надеюсь, ты поможешь мне в этом. Пожалуйста, называй меня в нечётные дни «тётя Мария» или Мария Дмитриевна. Давай представим, что я лучшая подруга твоей мамы, которая приехала в гости. Я буду обращаться к тебе, как к молодому хозяину квартиры. Если ты не хочешь участвовать в эксперименте, скажи об этом сразу. Тогда я оставлю всё как есть. Эксперимент будет продолжаться шесть месяцев — столько времени необходимо, чтобы вылечиться от сложной депрессии. Я останусь твоей мамой в любой день, но, надеюсь, что через полгода я избавлюсь от чувства вины и стану другой. Пожалуйста, помоги мне».

Женя и раньше слышал от мамы увлечённые рассказы о том, как психотерапия помогает людям решать проблемы, но не подозревал, что всё так запущено. Что у мамы депрессия и что ей нужны какие-то расстановки. Он не знал, что думать, соглашаться ли с условиями эксперимента, или сразу отказаться. В любом случае, решил он, всегда можно попробовать, а потом отказаться. Если маме легче представлять себя тётей Марией, чтобы не винить себя, — почему бы и нет?

Вечером мама зашла к нему в комнату.

— Ты прочитал моё письмо? — осторожно спросила она.

— Да, — Женя сидел за компьютером, делая вид, что очень занят.

— Что скажешь? — она подошла к нему, положила руку на плечо.

— Давай попробуем, если ты так хочешь. Это ведь понарошку? — он оторвался от экрана и посмотрел на неё.

— Конечно понарошку! — обрадовалась Марина. — Ты всегда можешь сказать: «Мама, я больше не хочу играть в эту игру», и тогда я сразу стану нормальной, как раньше.

Женя задумчиво повёл взглядом к окну.

— А что ты будешь делать по нечётным дням?

— Я буду другой тётёй, не мамой, а просто другой тётёй, которая к тебе хорошо относится и не следит постоянно за тем, во сколько ты ложишься спать. Я не буду готовить, убирать, проверять домашнее задание. Буду просто заниматься собой. Понимаешь?

Женя кивнул. Он думал о том, как тяжело думать о маме, как о чужой тётё.

На следующий день была суббота, третье число. Женя проснулся рано, долго лежал в постели, прислушиваясь к звукам в квартире. Он не знал, чего ожидать, и поэтому решил поменьше говорить с мамой, чтобы не ошибиться.

Мама наконец встала, пошла на кухню готовить завтрак. Обычно она звала его к столу минут через пятнадцать, но не в этот раз. Позавтракав, она пошла в зал. Дверь хлопнула, и Женя остался лежать голодным.

Медленно поднявшись с постели, он оделся и вышел из комнаты. Из-за дверей зала звучала громкая музыка. Мама смотрела телевизор, напрочь забыв про сына. Недовольный, Женик распахнул дверь, желая немедленно прекратить эксперимент.

— А проснулся наконец! — странным игривым голосом встретила его мама.

Она лежала на разложенном кожаном диване в коротких шортиках и синей спортивной майке с номером. Женя никогда раньше не видел её в таком прикиде. Она даже причёску слегка поменяла. Но главное: она лежала вульгарно выставив голую попу и ноги на обозрение. Короткие шорты врезались в промежность, прятались между широкими бёдрами. Круглые ягодицы торчали на виду, сочные ляжки сходились в коленках, под ними напрягались упругие икры, тонкие голени тянулись к ступням, спрятанным в туфлях на высоченной платформе. В добавок ко всему мама сделала ярко-красный маникюр. Женя, привыкший видеть маму в строгих костюмчиках, сразу заметил отсутствие бюстика под тонкой синтетической спортивной майки. Шары груди небрежно разъехались, толстые соски отпечатались на майке.

Она волновалась, несомненно волновалась. Хотела поразить Женю переменой. Не знала, как он себя поведёт, что скажет сексуальной дамочке, неожиданно занявшей любимое место сына на диване.

Женя и ухом не повёл.

— Доброе утро, Мария Дмитриевна, — промямлил он, продолжая таращиться на голый зад и сиськи. Мама никогда бы не позволила себе напялить чудо-шортики, никогда бы не стала вываливать сиськи на обозрение под тонкой майкой. Тётя Мария смотрела на него нематеринским взглядом, окончательно войдя в роль. Это был взгляд, от которого мурашки шли по коже. Взгляд с улыбочкой, взгляд опытной женщины, которая знает, чего хочет, не стесняется этого и, если понадобится, готова попросить, а потом и потребовать. Одним словом, мама смотрела на него не как мама, а как скучающая по мужской ласке зрелая красотка, очень похожая на маму.

— Можно тебя попросить? — сказала Мария Дмитриевна, жеманно улыбаясь. — Ты сейчас на кухню пойдёшь. А принеси-ка мне бутылочку пива. И себе захвати, если хочешь.

Женик кивнул и прикрыл дверь. Мама никогда не покупала алкоголь, да Женя и не пил раньше. Разве что под Новый год немного шампанского.

Он вернулся с двумя бутылками, бокалами и открывалкой. Пить пиво с мамой да ещё утром в

субботу ему не доводилось. К тому же это была её инициатива. Он не знал, как вести себя с новой мамой, но тётя Мария помогла ему: быстро приспособила табуретку под столик, жестом пригласила его залезть с ногами на диван.

— Люблю субботу, — тётя Мария, не заморачиваясь на бокал, потянула глоток пива прямо из бутылки. — Люблю, когда можно расслабиться и побалдеть перед телевизором, — она бросила хитрый взгляд на Женю, облизывая губы, на которых то и дело мелькала усмешка. — Жаль только, скучновато.

— А что вы любите? — на всякий случай спросил Женя. От нового образа мамы голова шла кругом. Он даже не сомневался, говоря ей «вы».

— Слушай, а ты умеешь делать массаж шеи? — спросила Мария Дмитриевна.

— Не знаю, а что у вас болит? — Женя чувствовал, что втягивается в игру.

Он подыгрывал, забывал, что мама, это мама. Она играла так хорошо, что он забывал. Она сама забывала. Мама окончательно преобразилась: глаза заискрились незнакомым задором, как будто детский азарт охватил её.

Женя нежно мял её шею, привыкая к мысли, что зрелая женщина перед ним, выраженная как девушка из группы поддержки, вовсе не мама, а скучающая озабоченная тётя, ищущая приключений в выходной день. Озорная, весёлая, авантюристка.

— Какие у тебя сильные руки, — мурлыкала тётя, постанывая, откидывая голову назад, вращая её по кругу в медленном танце, похожем на занятие сексом. Копна пышных волос струилась под руками, отдавала будоражащим теплом. Он никогда не трогал маму в таком контексте. Мама устанавливала новые отношения. Тётя Мария была любительницей выпить вина или пива, любила массаж шеи и спины, любила одеться как семнадцатилетняя девица, вызывающе походить по квартире полураздетой. И главное — её манеры. Она щебетала на пол октавы выше обычного, смотрела на Женю слащавым взглядом, как испорченная папина дочурка — капризная, шаловливая, желающая впасть в зависимость от богатого любовника. Она полностью перевоплотилась, и всё же это была она — его мама, которая играла роль. Странную, пугающую, но такую откровенную своим желанием.

Мария Дмитриевна не переигрывала, она действительно хотела освободиться от вины. Только сейчас она почувствовала относительную лёгкость в общении с Женей, только теперь она увидела в нём не сына с вечно обвиняющим взглядом, а стеснительного юношу с тайными желаниями. У неё был небольшой опыт общения с мужчинами, и она знала, как себя преподнести, чтобы ненавязчиво соблазнить, вызвать доверие.

На следующий день она перевоплотилась в маму — такую же ласковую, заботливую, серьёзную, как обычно. Вечером попросила выключить компьютер и сделать домашнее задание. Потом проверила готовность к тесту. Они и словом не обмолвились о вчерашнем, как будто и не было ничего. Но каждый засыпал с мыслями о предстоящей игре.

В понедельник Марина опять стала неуправляемой, неожиданной, игривой. Опять вырядилась в шортики, опять валяла дурака на диване, нацепив огромный белый цветок-заколку.

С каждым днём Женик всё глубже погружался в безотчётный трепет перед новым образом мамы. Мария Дмитриевна в отличие от мамы не стеснялась задавать неприличные вопросы, вела себя порою нахально, часто подтрунивала над ним.

— У тебя есть любимая девушка? — как-то раз спросила она.

— А что? — насторожился Женя.

— Да так, ничего, — она окинула его коварным насмешливым взглядом. — Может, уже пора завести?

Она как всегда лежала в образе распущенной незамужней женщины, скучая перед телевизором, и от Жени не могли ускользнуть её поглаживания. Тётя Мария медленно водила руками по оголённым бёдрам, постоянно подтягивала маечку, поправляла короткую обтягивающую юбку.

— А какие девушки тебе нравятся? — спросила она через минуту.

— Разные, — уклончиво ответил Женя. Он понимал, что мама хочет вызвать его на откровенный разговор, чтобы он не стеснялся, поговорил с ней о девушках. Но он не хотел такой близости, не хотел откровенничать с мамой-психологом.

— А раньше у тебя была девушка? — продолжила допрос дамочка без комплексов.

— Да, — соврал Женя.

— О-о-о! — насмешливо вытянула тётя Мария. — И где вы познакомились?

— В гостях, — Женя понимал, что запутывается во лжи, но не мог контролировать события. Он мог бы признаться в девственности маме, но не тётке Марии. Эта самоуверенная барышня тут же возьмёт в оборот любой факт из его биографии.

— М-м-м, — задумчиво прищурилась тётя Мария. — И как вы с ней, любовью занимались? — она, не стесняясь, пялилась на сына. В глазах блестели озорные огоньки.

— Конечно, — с улыбкой отозвался Женя. Теперь ему даже нравились фантазии Марии.

— Так ты, значит, уже не девственник? — спросила она, приоткрыв возбуждённо ротик.

— Нет, — чётко констатировал Женя.

— Жаль, — вздохнула Мария Дмитриевна, поджав недовольно губки. Брови взлетели, выражая согласие с неожиданным поворотом.

Они помолчали, прежде чем Женя осторожно спросил:

— Почему?

Она улыбнулась краешком губ, неподвижный взгляд следил за движением на экране.

— Мне нравятся девственники, — медленно ответила она. — Есть в них что-то романтическое. Это было сказано так искренне, что Женя тут же пожалел, что наврал с три короба. Собравшись с мыслями, он повторил любимый детский вопрос:

— Почему?

— Они такие милые, — Мария Дмитриевна настроилась на лад капризной девчушки. Её мечтательный взгляд оторвался от телевизора, улетел в потолок. — Когда юноша лишается девственности, он становится мужчиной, и первый раз запоминается ему на всю жизнь. Всё, что случается потом, — забывается со временем. Но первый раз ни с чем не сравнить. Поэтому для любой женщины большая честь стать первой у мужчины.

Женя с досадой закусил верхнюю губу. Как бы он хотел признаться Марии Дмитриевне в девственности, чтобы предложить ей стать первой.

Но время было упущено. Мария Дмитриевна, пожелав Жене спокойной ночи, ушла в спальню. Женя провожал её жадным взглядом. Когда тугие булки, играющие под юбкой-стрейч, покачиваясь, исчезли за дверью, он вернулся к мыслям о девственности. Ведь у него совсем не стоит. Он не сможет войти в этот тугий пышный зад. Его пенис не достанет даже кончиком до половых губ, застрянет между ягодицами. Будет дёргаться там, вызывая смех у зрелой красотки. Она пожалеет, что захотела заняться сексом с юношей, у которого такой короткий тонкий пенис. Сосисочка, которая то и дело мнётся, сгибается, как

желатиновый червяк, и норовит свернуться, спрятаться. улыбнуться. Она готова была расплакаться от безысходности, от страха, от щемящего душу чувства одиночества, надвигающегося со старостью.

Женя молчал, губки презрительно поджимались, глаза вяло скользили по экрану.

Ему не было до неё никакого дела. Марина понимала, что заслужила к себе такие отношения. Она заслуживает и не такое, думала она. За то, что случилось с ним в детстве, она вообще должна сидеть в тюрьме. Её должны стерилизовать, чтобы она больше никогда не рожала детей и никого не калечила.

Марина Дмитриевна прикрыла дверь, доплелась до своей комнаты и рухнула в постель. Она ревела не меньше часа. Потом, когда слёз почти не осталось, она поднялась с кровати, решительно открыла шкаф и начала снимать с себя одежду.

Женя сидел за компьютером в спортивных штанах и майке. Засунув одну руку под резинку трусов, он круговыми движениями натирал шишечку головки члена. Другой он переключал фотографии на экране. Порно-актриса с каштановыми вьющимися волосами, как у мамы, широкими бёдрами и большими грудями снимала с себя по одному предмету одежды, постепенно обнажаясь до нижнего белья.

Дверь медленно распахнулась. Женя незаметно убрал руку из штанов и закрыл окно порно-сайта. В дверном проёме стояла Мария Дмитриевна: в короткой чёрной майке, короткой юбке с клетчатым узором, гольфах с таким же узором из розовых с фиолетовым ромбиков. Скучающая красотка с оголённым пупком и серебряной брошкой в свежем пирсинге сделала шаг в комнату, прикрыла за собой дверь. Тётя Мария стала значительно выше в туфлях-стрипах из прозрачного силикона. Заметив пристальный взгляд Жени, она повернулась к нему попой, задрала юбку и, выкрутив шею, спросила:

— Так нравится?

Женя кивнул. Он смотрел на неё с открытым ртом. Стринги с такими же ромбиками впивались в попу, скрывали дольки выпуклой писи. Возбуждённая улыбка медленно окрасила губы Жени, глаза заблестели ожиданием.

Тётя Мария улыбнулась в ответ, подтянула юбку и, покачивая бёдрами, подошла к нему. Опустилась перед ним на колени и обняла за ноги.

Они встретились глазами.

— Хочешь поцеловать меня? — спросила она, изучая его пытливым взглядом.

— Да, — шепнул Женя.

Её руки скользнули по бокам, провели по бёдрам и, достигнув коленок, остановились.

— А ты умеешь целоваться? — тётя Мария коварно улыбнулась.

Женя виновато опустил глаза. Ему не хотелось больше врать, но и правда казалась ужасной.

— Нет, — чуть слышно прошептал он.

— Хочешь научиться? — голос тёти Марии стал таким добрым, проникновенным.

Женя легонько кивнул.

— Тогда поцелуй меня, — она быстро облизнулась, глаза сверкнули шоколадным блеском.

Женя встретился с этими глазами и обомлел. Это были мамины глаза — родным, глаза, к которым он привык с детства. В этих глазах было заложено больше любви, чем может вместиться в душу. В этих глазах он тонул, к ним прислушивался, их боготворил. Теперь эти глаза просили немножечко любви взамен. Они молили о взаимности, хотели, чтобы он стал

ближе.

Мамины липкие напомаженные губы медленно приоткрылись, обнажив тонкую полоску зубов. Она готовилась к поцелую: губы снова слиплись, разомкнулись, язык произвольно облизнул серединки губ. Рот оставался полуоткрытым, мамина грудь высоко вздымалась. Мария волновалась, но Женя не замечал этого. Ему казалось, что тётя Мария всего лишь хочет научить его целоваться.

Он наклонился и накрыл сладкие губы своими. Влажные мягкие подушечки губ зашевелились, запульсировали. Тётя Мария не спеша присасывалась к нему. Он прикрыл глаза, как это делают в фильмах. Чувство эйфории накрыло лавиной как тогда, во время утреннего оргазма, вызванного поцелуем. Только в этот раз он сам контролировал удовольствие, исходящее от мамы. Сам решал, как её целовать. Она поддавалась его желаниям, пассивно отдавала губы и дёсны на изучение. Лизнула его кончиком языка по губам, и он чуть не потерял сознание — так нежно и возбуждающе она это сделала. Её тёплое дыхание передалось ему. Они дышали одним вдохом, слюна смешалась. Это был первый поцелуй в его жизни: робкий, стеснительный, неуклюжий.

Марина легонько гладила сына ладонью по щеке и шее. Бесстыжий наряд, в котором она сидела перед ним на коленках, уже не вызывал в ней противоречия. Она научилась не думать о моральных запретах, убедила себя, что занимается психотерапией сына. Ей хотелось сделать Женю счастливым и, кажется, у неё начинало получаться.

— Теперь ложись спать и ни о чём не беспокойся. Ты отлично целуешься, — сказала она, улыбнувшись ему на прощание.

Женя смотрел, как тётя Мария уходит за дверь, слегка виляя бёдрами. Внутри него дурманящий туман кружил голову, пьяным масляным взглядом он провожал зрелую красотку, которая с недавних пор поселилась по соседству и уже научила его целоваться.